

Рационализм в применении военной силы США

Олег Иванов,
кандидат политических наук

Прусский военный мыслитель XIX в. К.Клаузевиц считал, что цель стратегии заключается в том, чтобы сделать силу рациональным инструментом политики. Сегодня рациональный подход является одним из основных при анализе и оценке международной и национальной безопасности, угроз и способов их минимизации или устранения.

Рациональный подход внесен школой политического реализма – одним из наиболее влиятельных направлений в американской политической науке.

Основатель этой школы политолог Г.Моргентау утверждал: “Мы ставим себя на место государственного руководителя, который решает определенную внешнеполитическую проблему. Мы спрашиваем себя, какие рациональные альтернативы существуют, из которых он должен сделать выбор, и которые разрешают проблему при данных обстоятельствах. Какие рациональные альтернативы этот конкретный руководитель, скорее всего выберет”¹.

В основе рациональной модели лежат следующие положения:

- государства – рациональные унитарные акторы, которые размышляют о своих действиях и делают выбор;

- государства идентифицируют свои интересы и ранжируют их по приоритетам от наиболее важных к наименее важным;

- государства проводят анализ: “затрата-выгода”, определяя сколько пред-

полагаемое действие будет стоить и какую выгоду оно принесет. При этом любое государство выбирает политику с точки зрения минимальных затрат и максимальной выгоды;

- все руководители обладают примерно одинаковыми ценностями и интересами. При этом параллель проводится с экономикой. Экономисты утверждают, что как все люди хотят иметь больше денег, так и все руководители государств стремятся к тому, чтобы их государства были более сильными, а не наоборот.

В среде сторонников рационализма есть разные взгляды на суть этого явления.

Политолог С.Максвел выделяет следующие:

1. Рациональный” используется в качестве синонима “моральный”. Следовательно, предлагаемый ответ будет зависеть от норм морального суждения, который присущ природе действия, а другой от предполагаемых результатов.

2. Второе понятие “рациональности” чаще используется в среде экспертов по

ядерной стратегии. "Рациональный" часто используется как противоположность "безумному" или "безрассудному".

3. В теории сдерживания смысл слова "рациональный" имеет еще одно значение. Охарактеризовать действие как "рациональное" значит сказать, что оно соответствует ценностям актора, какими бы они ни были.

Несмотря на тот факт, что американские политологи чаще ассоциируют третий взгляд на рационализм со взглядами американских политиков и стратегов, на практике он не был доминирующим в период "холодной" войны и в первые годы после ее окончания. В основе концепции сдерживания в первую очередь лежали положения 2 и 3.

Сторонники рациональной модели исходят из того, что существуют познаваемые объективные законы международных отношений. Один из "праотцов" политического реализма древнегреческий историк Фукидид (IV в. до н.э.) писал, что истина заключается в том, что как события прошлого, так и события будущего, в соответствии с природой человека, будут повторяться одинаково или сопоставимо. Поэтому руководитель государства и само государство не совсем свободно в выборе линии своего поведения. Оно является актором, который вынужден играть на основе объективных законов. По утверждению реалистов эти законы можно и нужно познать.

"Существует рациональный элемент в политическом действии, который делает политику возможной для теоретического анализа. Но в политике также есть элемент случайности, что затрудняет возможность теоретического понимания.

Материал, с которым политологу приходится иметь дело, двусмыслен. Политолог должен понять, что, с одной стороны, происшедшие события являются уникальными по своему происхождению: они произошли таким образом только раз и никогда раньше. Но с другой стороны, эти со-

бытия похожи, так как они являются проявлением социальных сил. А социальные силы в свою очередь являются продуктом человеческой природы в действии, следовательно, при аналогичных обстоятельствах они будут проявляться похоже"².

Было бы неверным считать, что сторонники рациональной модели не понимают сложности международных отношений, где имеет место и случай.

Г.Моргентау отмечал, что "элемент рационализма, порядка и регулярности заложен в ограниченном наборе возможных вариантов в пределах каждой системы множественного выбора. Рассматриваемый с помощью рациональной, примерной карты социальный мир на самом деле есть хаос случайностей. И все-таки он не лишен меры рационализма, если к нему приблизится со скромными ожиданиями продуманной теории"².

Политологи Л.Ник, Дж.Хей и П.Хейни, развивая этот тезис, добавляют, что такой рационализм предполагает, что индивидуумы воспринимают мир без искажений и приходят к решению в ходе открытого интеллектуального процесса: цели определены, производится поиск требуемой информации, рассматривается широкий круг альтернатив и выбирается решение, которое максимизирует выгоду, одновременно минимизируя при этом затраты.

Теоретик концепции сдерживания П.Морган полагает, что "рационализм определялся, как приобретение как можно больше информации о ситуации, о вариантах для работы в ней, подсчет относительных затрат и выгоды от реализации этих вариантов, а также расчет их относительных шансов на успех и рисков провала. После этого следует выбор: что рациональный оппонент сделал бы, каков ход действия, который обещал бы наибольшую выгоду и, если нет выгоды, то наименьшие потери"³.

Рациональный подход был использован и развит политологом Г.Эллисо-

ном в первой из его трех моделей под названием “рациональный актер”.

Рассматривая международные отношения через своеобразные “концептуальные линзы” моделей, модель “рационального актора” вполне совместима с подходом Моргентау, утверждающего, что принятие решения – наиболее рациональный выбор среди прочих рациональных альтернатив. Согласно Эллисону, рациональность относится к последовательному, максимизирующему ценности выбору в пределах уточненных ограничений.

Таким образом, анализ международных отношений, принятие решения, возможные стратегии, в том числе сдерживание, деполитизируются, освобождаются от налета субъективизма и получают последовательную парадигму познания, которая строится на объективной основе.

Рациональный подход или рациональная модель важны не только с теоретической, но и с практической точки зрения.

Г.Моргентау подчеркивает: “Если угрозу применения силы можно считать рациональным инструментом во внешней политике, то применение силы является иррациональным, ибо эта сила используется не в политических целях оказания влияния на другую сторону, а с иррациональной целью уничтожить противоположную сторону, зная, что при этом ты сам будешь уничтожен”⁴.

Именно рациональная модель лежит в основе разработки военно-политических стратегий. “Стратегия является самой важной, когда она включает добавленную к ресурсам ценность, функцией как усилитель силы и предлагает способ нанести поражение противнику, используя соответствующие ресурсы или минимизируя затраты на поражение более слабого”⁵. Практическая значимость заключается в том, что, как писал политолог А.Уолферс,

чем более рациональна политика национальной безопасности, тем больше вероятности, что она будет успешной, принимая во внимание интересы, включая интересы безопасности другой стороны.

Такое понимание рационализма не гарантирует безошибочности в оценке и принятии решения, поскольку понимание рационализма у разных акторов может отличаться.

Например, помощник госсекретаря Д.Ачисон уверял президента Ф.Рузвельта в августе 1941 г., что ни один рациональный японец не мог бы поверить, что нападение на США может привести к чему-нибудь иному, кроме катастрофы для своей страны.

Однако такое нападение состоялось, доказывая, что рациональная модель может существовать в разных системах координат.

Тем не менее, рациональная модель дает определенную возможность для планирования своих действий и прогнозирования действий других акторов международных отношений.

Можно привести два примера рационального подхода к разрешению ситуации, имеющей элемент иррационализма.

В Карибском кризисе (1962 г.) обе стороны искали рациональный выход в условиях, как казалось американскому руководству, иррационального действия советского руководства по размещению своих ракет на Кубе.

Боязнь иррациональных действий со стороны Советского Союза вела к рациональному подходу США к разрешению кризиса.

П.Морган заявляет, что американское военное руководство полагало, что блокада была глупостью, так как не уничтожала ракеты и оставляла США в уязвимом положении. Тем не менее, Дж.Кеннеди продолжал настаивать на блокаде из-за возможности иррационального развития событий или потери контроля над ситуацией. В

результате был выбран наиболее рациональный вариант разрешения кризиса.

Бомбардировка НАТО территории и объектов Югославии в 1999 г.

Здесь рациональная модель столкнулась с действительностью, выходящей за рамки рациональности. Можно предположить, что НАТО "имела цель наказать руководителей или доминирующую элиту, либо поразить экономические цели и вывести из строя военные потенциалы (что вполне соответствовало рациональному подходу – Авт.). Но, кроме этих очевидных целей информационные требования были затруднительны из-за того, что была необходима подробная информация не только о состоянии противника и его материальных возможностях, но и о том, какие из этих возможностей он больше всего ценит в данное время, плюс знания о том, где они находятся"².

В последнее время классическая рациональная модель подверглась сильному воздействию со стороны других парадигм теории международных отношений и в первую очередь таких, как либеральный интернационализм, иррациональная и когнитивная модель.

Не все сторонники рациональной модели полностью разделяют подходы основателей школы.

Например, политологи Т.Сэйна и А.Теллис утверждают, что рационализм нельзя понимать как универсальное умонастроение, а лишь как признаки того, что индивидуумы ориентированы на достижение целей и способны к адаптации. Они постараются достичь своих целей самым легким и наименее затратным (или наиболее эффективным) в их понимании способом. Рационализм не означает, что все индивидуумы имеют одинаковые цели. Однако, если мы понимаем их цель, то их действия могут быть в принципе предсказуемы.

Поскольку рациональная модель связана с процессом принятия реше-

ния, в основе которого лежит именно рациональный подход, политологи Дж.Аркилла и П.Дэйвис полагают, что она имеет универсальный характер. По их мнению, предположение заключается в том, что неизбежно руководители стремятся к рациональному принятию решения на определенной, но субъективной основе, рассматривая наиболее вероятные и наилучшие – наихудшие результаты различных вариантов.

Как показывает практика, рациональная модель имеет определенные ограничения, не принятие которых во внимание может привести к провалам.

Первое ограничение связано с противоречием между рациональным подходом и системой ценностей.

"Во время войны во Вьетнаме американские гражданские руководители были очень удивлены своей неправильной оценкой "точки слома" Северного Вьетнама.

Вашингтон постепенно наращивал конфликт в надежде найти эту "точку слома". Тем не менее, Северный Вьетнам смог выдержать намного большие потери, чем предполагалось американскими руководителями. Бывший министр обороны Роберт Макнамара описывал эту неожиданность, как провал США, которые не смогли предвидеть готовность Вьетнама принять эти потери"⁶.

Такое противоречие между рациональной моделью и несовпадающей с ней системой ценностей ведет к расширенному толкованию понятия рационализма.

Этот тезис подтверждает официальный документ Министерства обороны США "Концепция совместных действий стратегического сдерживания". В нем подчеркивается: "Почти все противники, принимающие решения, будут действовать в соответствии с логикой рационального собственного интереса. По определению, собственный интерес рассматривается в соответствии с культурными, религиозными,

идеологическими и личными воззрениями, которые часто противоречат американским или западным нормам.

Например, воспринимаемая ценность человеческой жизни варьируется среди культур, групп влияния и организаций. Вознаграждение за уничтожение тех, кто рассматривается как “недостойные” (по культурным, религиозным или идеологическим причинам), может мотивировать действия против американских интересов. Рациональный собственный интерес может вовлечь организационные факторы, а также внешние соображения”⁷⁷.

В то же самое время признается, что рациональная модель находится под воздействием разногласий относительно спорных интересов. По мнению У.Кертиса, все спорные интересы представляют определенные ценности, а эти ценности являются предметом изменений во времени из-за технологических инноваций, культуры и восприятия государственных деятелями стратегических реалий.

Рассматривая рациональную модель необходимо иметь в виду, что она реализуется не в вакууме, она всегда является культурно и контекстуально зависимой, так как функционирует в определенной культурной среде и в определенном контексте/ситуации.

Согласно Р.Бетсу рациональный стратегический расчет подразумевает, что если ценности входят в конфликт, то они ранжируются, и наиболее приоритетные берут верх.

Таким образом, как утверждают сторонники рациональной модели, даже ценности можно подвергнуть рациональному анализу и строить из них приоритеты.

Одним из ключевых факторов в международных отношениях и применении военной силы является фактор культуры или элемент иррационализма. Как показывает практика, этот эле-

мент может иметь решающее значение в оценке военно-политической ситуации. Им нельзя пренебрегать, делая ставку исключительно на рациональную модель без учета локального контекста как культуры вообще и стратегической в частности, так как в противном случае оценка предположительного поведения противника может привести к провалу.

Типичным примером стал ошибочный прогноз поведения С.Хусейна накануне вторжения Ирака в Кувейт в 1990 г.

В соответствии с оценкой, сделанной американскими экспертами, ошибка заключалась в том, что аналитики ЦРУ полагали, что такого рода действие было бы иррациональным.

В таких случаях аналитические выводы были построены на стандартах рационального поведения, созданного и применяемого американцами, на стандартах, которые упустили важное наблюдение: нигде не записано, что какой-либо субъект будет поступать логично или рационально в соответствии с чьими-либо стандартами логики или рационализма.

Рациональная модель настолько сильно подвержена факторам иррационализма в международных отношениях, что скорее можно согласиться с Х.Каном, утверждающим: “Исследователи, которые изучают эти проблемы, допускают, что политики не то, чтобы являются полностью рациональными, а скорее то, что они не совсем иррациональные”⁷⁸.

Второе ограничение рациональной модели имеет отношение к тому, что противоположная сторона может просто допустить ошибку в своих рациональных расчетах, которые вполне могут носить универсальный характер.

Бывший в 1962 г. руководителем национального совета США по оценке Ш.Кент констатировал: “Мы упустили советское решение разместить ракеты на Кубе, по-

тому что мы не могли поверить, что Хрущев может сделать ошибку”⁶.

Другой пример допущенной ошибки связан с оценкой возможных действий С.Хусейна в конце 80-х годов.

По расчетам американских руководителей, С.Хусейн не станет вторгаться в Кувейт, потому что он был рациональным актором и понял из войны Ирака с Ираном, насколько дорога была бы еще одна крупная война. Но как отметил бывший посол США Э.Глэспи: “Мы были бестолковые, что не осознали того, что он (С.Хусейн – Авт.) был глуп”⁶.

Третье ограничение связано с различной трактовкой понятия рациональности.

Что кажется иррациональным для одного актора, может оказаться рациональным для другого и наоборот. Это касается решения Индии и Пакистана развивать свои ракетно-ядерные программы и оценок этих программ правительством США.

К.Пейн отмечает, что для многих официальных лиц в Вашингтоне отказ от ядерного оружия кажется единственным разумным курсом. Тот факт, что другие руководители могут быть “рациональными” и прийти к противоположному заключению (имеется в виду решение Индии развивать свою ракетно-ядерную программу – Авт.) был удивительным.

В последующем изучении этого “провала разведки десятилетия”, проведенное адмиралом Дэвидом Джереми, был сделан вывод, что американскому разведывательному сообществу не удалось выйти за рамки своих собственных предположений и понять, что индийское правительство могло придавать очень большое значение ядерным испытаниям.

Анализируя вышеприведенные случаи, иллюстрирующие разные подходы к оценке рационального решения, поведения и ограничения рациональной модели, необходимо отметить, что есть

существенное различие между такими понятиями, как “рациональность” и “разумность”.

Именно непонимание этого различия ведет к неправильным прогнозам и как результат к провалам в практической политике.

К.Пейн подчеркивает, что рациональность – это способ принятия решения, который логически связывает желанные цели с решениями относительно того, как достичь эти цели.

При рациональном подходе на основе имеющейся информации определяются цели и рассчитывается наименее затратный и наиболее выгодный способ их достижения. При этом цели ранжируются по их приоритетности. В таких условиях также допускается возможность компромисса.

В политологическое понятие “разумности” вкладывается иной смысл. Согласно К.Пейну суждение, что принятие решения и поведение другого является “разумным”, обычно подразумевает намного больше, чем “рациональность”.

Определение принятия решения или поведения другого как “разумное” предполагает, что наблюдатель понимает принятие решения и судит о нем, как о разумном, основанном на разделяемых и понимаемых ценностях и стандартах.

Таким образом, **главное отличие понятия разумности от понятия рациональности заключается в том, что рациональность не предполагает принятия и разделения ценностей, норм и стандартов.** Здесь достаточно только понять логическую связь между отличающимися по приоритетности целями и способами их достижения.

При “разумном” подходе большое значение имеет приверженность к системе моральных ценностей.

Исходя из такого подхода, далеко не все руководители, которых считали

иррациональными, являются таковыми. Их скорее можно посчитать нерациональными.

Показателен в этом отношении урок Карибского кризиса (1962 г).

По словам бывшего в то время помощником президента по национальной безопасности М.Банди, Москва не могла сделать чего-либо более сумасшедшего с нашей точки зрения, как размещение ядерного оружия на Кубе.

В то же время, есть предположение, высказанное участником тех событий советским дипломатом Г.Корниенко: “Думается, что у Хрущева было и еще одно, третье по счету соображение – психологического порядка: заставить Вашингтон “влезть в шкуру” Советского Союза, окруженного американскими базами, в том числе ракетными”⁹.

Такое поведение Хрущева можно оценить как вполне рациональное, поскольку при минимальных затратах – размещение оперативно-тактических ракет на Кубе – создавалась реальная угроза территории США.

Но такое решение вряд ли можно оценить как разумное, поскольку ситуация вполне могла выйти из-под контроля, а последствия могли быть катастрофичными не только для США и СССР, но и для всего мира.

Другим уроком могут служить действия С.Хусейна в 1990 г. по оккупации Ираком Кувейта.

П.Морган утверждает, что иракский лидер не уступил требованиям возглавляемой США антииракской коалиции не потому, что он был иррационален, а потому что в арабской культуре лучше воевать и проиграть, чем быть опозоренным. Честь требует равенства масштаба: даже в поражении важно нанести урон, причинить боль, продемонстрировать способность нанести ущерб (как поджог нефтяных скважин).

Известное наступление Сирии и Египта на Израиль в 1973 г. также оказалось неожиданным как для Израиля, так и для США, поскольку противоречило принципу разумности.

Государственный секретарь Г.Киссинджер писал, что американское определение рациональности не воспринимало всерьез вероятность начала Египтом и Сирией войны, которую невозможно выиграть для восстановления самоуважения.

Рациональная модель лежит в основе системы оценки угроз.

Одна из таких систем была разработана американскими экспертами Б.Бличменом и Т.Уитсом.

При оценке угроз они предлагают принимать во внимание две категории.

Первая категория – “благоприятные условия”. В эту категорию попадают те условия, которые формируют правдоподобие американских угроз в умах тех руководителей, на кого эти угрозы направлены.

Здесь важны два аспекта: благоприятные условия в рамках контекста, в которых эти угрозы создаются и функционируют, и характер самих угроз. В процессе трансляции угроз имеют значение выдвигаемые противнику требования, которые в принципе должны быть выполнимы. В действительности некоторые требования могут быть более или менее выполнимы, что облегчает или усложняет задачу. Здесь имеет значение определение правдоподобия американских угроз и цены подчинения требованиям или неподчинения.

Этот рациональный оценочный процесс проходит в умах противника и прогнозируется американской стороной.

Б.Бличмен и Т.Уитс подчеркивают, что **баланс между стоимостью подчинения и стоимостью неподчинения представляет эффективность угрозы США.**

Контекст угрозы. Первый контекстуальный фактор заключается в том, что, согласно гипотезе американских экспертов С.Каплана и Б.Бличмена, применение военной силы США может быть наиболее эффективной, если военная сила реализуется в соответствующую

шем историческом контексте. Если в рамках этого контекста США имели благоприятный для своих интересов прецедент применения военной силы, то в этом случае угроза применения военной силы будет внушать доверие, так как она опирается на положительный и эффективный опыт в прошлом.

Например, успешная американская операция "Буря в пустыне" (1990–1991 гг.) против Ирака сломала "синдром Вьетнама", который крепко сидел на подсознательном уровне в умах американских политиков и военных, и создала уверенность в успехе операции по свержению режима С.Хусейна в 2003 г.

С другой стороны, операция 1990–1991 гг. являлась отрицательным опытом для С.Хусейна и, по мнению американского руководства, подготовительный этап к войне 2003 г. давал вполне определенный сигнал иракскому лидеру, что намерения США нанести ему поражение вполне реальны и достижимы.

Второй контекстуальный фактор, влияющий на формирование доверия к военной угрозе США, это отсутствие или наличие общественной поддержки, включая поддержку законодательной власти.

Одна из причин поражения США во Вьетнаме заключалась в отсутствии такой поддержки, как со стороны общественности, так и пассивности законодательной власти, которая практически сама устранилась от участия в военно-политических решениях и взятии ответственности на себя.

В то же самое время при умелой информационной работе во время подготовки к операциям в Ираке в 1991 г. и 2003 г. такая поддержка со стороны общественности и конгресса США была получена, и обе операции рассматривались ими благоприятно.

Третий контекстуальный фактор, оказывающий свое воздействие на эффективность угрозы, – наличие или

отсутствие поддержки США третьей стороной.

Один из уроков, который вынесли США из неудачи во Вьетнаме, это тот факт, что они оказались в одиночестве и без поддержки со стороны своих союзников. Такая ситуация ослабляла США как материально, так и морально. Более того, она поставила страну в уязвимое положение в легитимном плане.

После войны во Вьетнаме американское руководство предложило своим союзникам придерживаться правила "разделения бремени" (*burden sharing*).

С одной стороны, это позволяло снизить свои затраты, а с другой – вовлекая союзников, создавало видимость легитимных действий в отсутствие санкций ООН, как это было при бомбардировке Югославии в 1999 г.

Реализация этого подхода позволяет усилить восприятие руководством противника сигнала об угрозе со стороны США.

Четвертый контекстуальный фактор, усиливающий правдоподобие американской угрозы, – авторитет и репутация руководства США, то есть когнитивная составляющая.

Этот фактор наиболее субъективный и его сложно подвергнуть измерению, поэтому в политической науке он считается трудно доказуемым.

Существовало мнение накануне операции "Иракская свобода" в 2003 г., что президент Буш решится на вторжение в Ирак, так как его отец провел успешную операцию "Буря в пустыне" в 1991 г. и, кроме этого, нынешний вице-президент Чейни в 1991 г. был министром обороны США.

Характер угрозы. Здесь подразумевается форма представления угрозы.

Б.Бличмен и Т.Уитс заявляют, что чувство срочности должно быть частью угрозы или лидер-мишень может посчитать, что стратегия отсрочки и

бездействия будет эффективной при уклонении от подчинения.

Угрозы могут иметь вербальную форму в виде выступлений первых лиц США, письменную в форме заявлений и материальную, представленную в виде передвижения войск, демонстрирующих свои возможности.

При этом другие эксперты полагают, что развертывание сухопутных войск более предпочтительно, чем например военно-морских сил, так как оно внушает большее доверие к тому, что сила будет применена. Использование сухопутных сил означает готовность руководства США заплатить “политическую цену” за риск.

Необходимо признать, что не все эксперты считают, что развертывание сухопутных войск является неотъемлемой предпосылкой успешной операции. Они считают, что военно-воздушные силы могут стать решающей силой в решении поставленных задач (пример Югославии).

Тем не менее, все соглашаются, что “ботинок пехотинца на земле” часто является окончательным условием успеха операции.

Трудность требования. Кроме контекста угрозы и ее характера, также имеет значение трудность выполнения требования, предъявляемого противнику.

При выработке требования происходит наложение рациональных и иррациональных моделей.

С одной стороны, требование должно быть логичным и строиться на универсальных принципах, то есть быть рациональным, а с другой – оно должно быть сформулировано на понятном языке для противоположной стороны. Оно должно учитывать менталитет и, в целом, культурные особенности того, на кого оно направлено, то есть строиться на иррациональной модели.

Очень важным является учет трудности выполнения предъявляемого тре-

бования с точки зрения его достижимости.

В состоянии ли противник выполнить данное требование? Он может оказаться просто не в состоянии этого сделать.

Также важным моментом является культурный фактор, так как он способствует или мешает выполнению требования.

Когда в 1990–1991 гг. С.Хусейну были предъявлены требования со стороны США и их союзников, они были удивлены его отказом их выполнить, поскольку он стоял перед вполне рациональным выбором.

Выполнение требования может облегчить предложение стимулов. Здесь существенна не только выгода, которую противник может получить, но и, по утверждению Б.Бличмена и Т.Уитса, стимулы предоставляют политический предлог для мишени сделать то, что он может пожелал бы сделать: отступить и принять американское требование.

Наряду с этим трудность выполнения требования зависит от наличия или отсутствия возможности отступления для объекта воздействия. При этом, если возможно отступление, которое позволяет противнику сохранить свое достоинство и уважение, то оно будет вне всякого сомнения более предпочтительно, а значит само требование будет более выполнимым.

Выбор между сдерживанием или принуждением противника также имеет значение.

С одной стороны, между этими понятиями есть разница, которая заключается в том, что в сдерживании угроза только артикулируется, а в принуждении материализуется, а с другой – применение силы является более эффективным при сдерживании, когда объект воздействия должен отказаться от запланированных действий в результате рационального выбора.

Вторая категория, на которую обращают внимание Б.Бличмен и Т.Уитс при оценке угроз, – сила угрозы.

Сила угрозы должна подчеркивать стоимость невыполнения противником предъявляемых требований.

По мнению экспертов, это означает, что цель должна понимать, что угроза, если она выполняется, приведет в результате к такой ситуации, в которой цели будет хуже, чем если бы она согласилась на американские требования.

В войне, как и в политике, действуют два начала: объективное, основывающееся на рациональном подходе, и субъективное, строящееся на иррациональном подходе.

С одной стороны они дополняют друг друга, а с другой – они вступают в конфликт.

И тот и другой подход имеет свои сильные и слабые стороны.

Сильной стороной рационального подхода является то, что он дает определенную универсальную возможность для планирования своих действий и прогнозирования действий других участников международных отношений.

Слабым местом является тот факт, что рациональная модель может существовать в разных системах координат, имеющих различное культурное измерение, что сказывается на ее универсальности и снижает корректность рационального подхода.

Эти особенности и следует иметь в виду стратегам и экспертам, разрабатывающим новые концепции.

Если, например, требование заключается в том, что правитель должен отказаться от трона, то вероятно единственной эффективной угрозой будет смерть правителя или создание такой ситуации, в которой правитель может быть убитым.

Таким образом, требование должно быть представлено не просто в универсальной рациональной форме, а соответствовать рациональной парадигме того, кому оно предъявлено, то есть сочетаться с его системой ценностей и интересами.

Примечания

¹ *Morgenthau H.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. 6th ed. Revised by Kenneth W. Thompson. New York.: Knopf, 1985. P. 5.

² *Morgenthau H.* Truth and Power. N.Y., 1970. P. 5, 254.

³ *Morgan P.* Deterrence Now. Cambridge University Press, 2003. P. 12, 264.

⁴ Теория международных отношений. Хрестоматия. М.: Гардарики, 2002. С. 86.

⁵ *Betts R.* Is Strategy an Illusion? // International Security. 2000. Vol. 25. № 2. P. 6.

⁶ *Payne K.* The Fallacies of Cold War Deterrence and a New Direction. The University Press of Kentucky, 2001. P. 3, 4.

⁷ Strategic Deterrence Joint Operating Concept. Department of Defense. Washington D.C., 2004. February.

⁸ *Green P.* Deadly Logic: Theory of Nuclear Deterrence. The Mershon Center. Ohio State University Press, 1996. P. 162.

⁹ *Корниенко Г.* Холодная война. М.: Международные отношения, 1995. С. 87.